

Здесь мы подошли к наиболее интересующему нас в данном случае моменту. Не лишено вероятности, что младшая «Иудифь» составлена и, возможно, поставлена была в подобной разночинной среде, в любительских кружках, группировавшихся вокруг славяно-греко-латинской академии и госпитальной школы, кружках, составлявшихся как из настоящих и бывших студентов, преимущественно разночинцев, так и из разных других городских низовых элементов.¹ Лишь при таком допущении удовлетворительно объясняются: и относительная упрощенность построения языка и стиля младшей «Иудифи»; и ее бойкий, хотя и недостаточно выдержанный стих; и примесь украинских элементов в языке (известно, что среди персонала и студентов Московской славяно-греко-латинской академии петровского времени немало было украинцев);² и, наконец, социальная тенденция пьесы.

Спустившись в гущу тогдашней рядовой городской массы, опираясь в своем существовании не на помощь казны или высокостоящих особ (подобно предшествующим театрам), а исключительно на свою популярность и успех у публики, в том числе успех материальный («мы бо ныне почтимся вам на дейсти показати, вы же изволте нас златом награждати» — кончает свой «предлог», т. е. пролог, одна из пьес, которую мы склонны отнести также к этой среде);³ не порвав еще всех связей своих со школой, — этот

¹ Известный знаток старой Москвы и историк русского быта И. Е. Забелин, указывая на существование в Москве рядом с дворянской также интеллигенции «посадской, слободской или в собственном смысле городской», считает, что «руководителями и передовиками этой интеллигенции являлись грамотные люди, больше всего из отставных или неокончивших науки школьников славяно-греко-латинской академии, особенно в лице приказных...» К ним примыкали грамотные дворовые люди. «Канцеляристы, кописты, даже стряпчие, заодно с дворовыми людьми, с великим усердием занимались лицедейством». И. Е. Забелин. Из хроники общественной жизни в Москве в XVIII стол. Сборник общества любителей росс. словесности на 1891 год, стр. 557 и 560.

² С. Смирнов в своей «История Московской славяно-греко-латинской академии» приводит данные, из которых видно, что не только многие ректора и префекты (стр. 193 и сл.), но и рядовые преподаватели, в том числе преподаватели грамматики, пиитики и риторики (стр. 215 и сл.), в петровское время были из числа воспитанников Киевской академии, украинские уроженцы. «Есть основание думать, говорит автор, что для ускорения образования Киевские наставники привезли с собой в Москву даже подготовленных учеников из Киева» (стр. 81). Здесь, кажется, объяснение того обстоятельства, что язык многих пьес петровской эпохи (даже и не так наз. «школьного» типа) в большей или меньшей степени отмечен украинизмами.

³ Имеем в виду драму: «История о царе Давиде и царе Соломоне» (текст в «Памятниках русской драмы эпохи Петра Великого», изданных В. Н. Перетцем, СПб., 1903). Приведенное место см. на стр. 458. Едва ли может быть сомнение в том, что пьеса эта (основанная, между прочим, на библейском повествовании — первых двух главах III книги Царств), представляя на сцене лишение царем Давидом престола старшего сына, казнь последнего и его сообщников, «воеводы» и «патриарха», восторжествовавшим младшим братом Соломоном — отражает ожесточенную борьбу партий в связи с ультрареакционной позицией части родовитого русского боярства и высшего духовенства, а, может быть, и в связи с делом царевича Алексея. Впрочем это предполагаем подвергнуть специальной разработке.